Алтайские сказки

Всеволод Иванов

SHOUT
SHARE
IT

- Всеволод Иванов
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII

Всеволод Иванов
Алтайские сказки

I
КУРГАМЫШ-ЗЕЛЕНЫЙ БОГ

Туянчи-Осень траву поела, листья дерев жует.

Старая, злая; нос — чисто гнилой сучок, лицо — прошлогодняя саранка. Клыки скалит.

— Все пожру!

Дрожат листья, жмутся — умирать никому не хочется.

Ладно.

По Желтому озеру на бревне плывет Кургамыш-зеленый бог. Лицо — широкое, ласковое лицо, а глаза, как у лошади — большие. Хохочет:

— Гу-у… Я плыву… Гу-у…

Эхо кувыркается со скалы на скалу, с горы на гору. Ручьи бьют каплями серебряными о камни:

— Ти… ти… ти…

Здравствуются с зеленым богом.

Туянчи увидала его. Озлилась еще сильнее.

На кедр вскочила. Шипит:

— И тебя слопаю!

И Кургамыш ее увидал.

Как вскрикнет:

— Зачем лес портишь, кикимора?

А та как плюнет. Слюна в озеро пала, льдинками поплыла. Холодом пахнуло.

Кургамыш тоже рассердился.

— Я тебя! — кричит.

Выскочил на берег, к Туянчи бросился.

Схватились они биться.

Черным клубом пыль идет; вода кипит; горы стонут. Тайга колеблется, как платье от ветра.

— Убью! — рычит Кургамыш.

— Съем! — шипит Туянчи.

Ладно.

И день. И два. И три. Конца битве не видать…

Только листья качаются, жмутся, молятся:

— Хорошо бы Кургамыш победил! Ах, хорошо!

Узнал старый бог-Кутай, всем богам бог, у которого трон из чистого золота в тени березы с алмазными листьями, а подножье — облака, а конь — синегривый, а чамбырь из красного гаруса. Сказал:

— Нельзя богам сердиться, накажу. Бросьте.

А те не бросают. Кургамыш отогнул лицо от драки, крикнул:

— Вот убью и брошу.

И опять за лицо Туянчи схватил.

И махнул рукой старый бог-Кутай. Рассердился.

В невидимом вихре понеслись Туянчи и Кургамыш. Крутятся, вертятся.

Ветер. Стужа.

Зима, по-вашему, приходит.

Когда повернется к земле Туянчи, — космы упадут на бор, вздохнет — снег идет, холодно.

Кургамыш повернется: оттепель, солнце выглянет.

И так долго носятся.

А потом Вунт едет — конь у его белый, седло из старой меди, а подковы из китайского золота.

Улыбается.

— Будет, — говорит: — тепло надо. Уходи, Туянчи.

Туянчи прячется в логовище. Злится, когти точит:

— Подожди… — шипит.

Опят плывет по Желтому озеру Кургамыш-зеленый бог. Хохочет:

— Гу-у… Я плыву… Гу-у…

Травы ему кланяются, ароматы курят. Листья навевают прохладу. Радуются:

— Наш бог плывет…

А он лицо широкое, лохматое как кедр, во все стороны поворачивает. Хохочет от радости:

— Гу-у… Гу-у…

II
БАРАН

Ходит баран по горам. Жирный.

Ладно.

Кучича — злая ведьма в болоте лежит. На солнце брюхо греет.

Думает:

— Если год брюхо на солнце держать — сильно оно блестеть будет?

И видит — вверху по горам, баран ходит. Курдюком трясет.

Говорит Кучича:

— Баран! Дети есть у тебя?

— Есть, — ласково отвечает баран. (Все жирные ласково отвечают.)

— Хочешь, — говорит Кучича, — научу их брюхо на солнце греть?

Думает баран:

— Если я по горам лазить умею, да еще мои баранята брюхо греть научатся (а это что-то должно быть умное), и совсем хорошо барану на свете жить будет.

Говорит баран:

— Учи.

Ладно.

Одно лето — зима выпила, другое выпила, только за третье принялась пожелтело оно с перепуга…

Говорит Кучича:

— Бери своих баранят. Научились.

Обрадовался баран, с радости из курдюка сало даже закапало.

Говорит:

— Спасибо.

Видит: тащатся в гору баранята. Втрое жирнее отца. Втащились — и хлоп!

Лежат кверху брюхом. Шерсть только шелковистую ветер на брюхе в колечки завивает.

Ладно.

Лежат. Солнце брюхо им греет.

Думает баран:

— Вот сейчас должно быть оно и придет.

Ждал, ждал. Ничего не дождался.

Говорит:

— Айда, баранята, по горам лазить.

— Нет, — отвечают баранята, — брюхо тогда солнце греть не будет. Не пойдем.

Лежат да еще кричат на отца:

— Тащи травы! Жрать хочу, видишь брюхо морщится с голоду.

А Кучича в болоте от радостной злости лапами в кочки бьет, прыгает:

— Вот, мол, — наделала.

А баран — все тоньше и тоньше и курдюк пропал. Плохой стал баран.

А баранята по-прежнему брюхо греют.

Ладно.

Узнал дух Ори про Кучичу, плюнул и сказал:

— Вот, дура, как теперь баран без курдюка будет.

Рассердился. Взял Кучичу в сало превратил и барану в курдюк всунул.

— Болтайся, — говорит.

А баранят съел.

— Все равно, говорит, не заблестите.

Я говорю:

Вот почему, когда барана на спину положишь — орет, а курдюк редко хорошему человеку достается — Кучича там торчит. Злая.

Ладно.

III
КУЯН

Койонок-бог (борода — пихта верхушкой вниз) сидел в тени березы с золотыми листьями. Иримчик жует и губами толстыми (доволен!) шлепает:

— Н-на!.. Н-на!..

А там, подле подошвы горы, далеко, заяц-Куян, обжора, траву щиплет.

Смотрит на Койонока, пыхтит:

— Хорошо богу живется. Волков на его нет, коршуны трусят. Благодать!

Пощипет траву, ноздрей поведет, недоволен.

Говорит:

— Хоть бы мне листьев золотых с березы поесть.

Ладно.

Куян долго думал (от дум даже шерсть полезла), решил:

— К богу-Койоноку пойду.

Пришел.

— Здравствуй, бог, — говорит, — как живешь?

Койонок отвечает:

— А ничего живу. Хорошо. Даже когда надоедает так жить.

— Как не надоест, — говорит Куян, — ишь борода-то какая большая. Как следует чесать — год чесать надо.

— Верно, — отвечает Койонок, — долго надо чесать.

Молчат и друг на друга смотрят.

Ладно.

Куян говорит:

— Хочешь, сказку расскажу?

Бог-Койонок думает: какие у зайца сказки.

Но (добрый был) отвечает:

— Рассказывай.

Куян сел около кошмы, расшитой шелком, у ног бога. Сам на листья смотрит, облизывается, а сам говорит…

А так как все время облизывался — хорошо у Куяна выходило. И степь, будто не степь, а кумыс столетний. Колки — не колки, будто аракчины, каменьями разукрашенные, по степи разложены.

Ладно.

Койонок крякнул одобрительно:

— Эк!.. вот заяц!

Спокойно ему стало. Уснул. С кошмы свалился.

Заяц сейчас к березе, давай листья жрать. До того нажрался, брюхо как шишка кедровая крепкое стало.

Нажрался, уснул.

Ладно.

Богу-Койоноку снятся сны дурные. Неприятные для бога сны, — то лошадь уросит, то вместо айрана грязь пьет.

Еле проснулся.

Чует — затылок ему солнце печет.

— С чего бы это, — думает, — тень всегда хорошая была.

Смотрит — на березе половины листьев нет.

А Куян рядом спит.

Одна лапа на брюхе, во рту торчит половина листочка.

Койонок озлился, фыркнул:

— Что ты наделал? А?

Заяц вскочил и от сытости говорит не может.

— Тьфу! — сказал Койонок. — Какая рожа паршивая. Ступай.

И в наказанье сказал:

— Будет тебе, обжора, лучшей пищей кора — осиновая, горькая.

Поднялся, начал листья новые делать.

Ладно.

Вот когда осенью лист на березе зажелтеет, заяц боится подойти к коре. Трясется, душа у него прыгает.

Я говорю:

А идет. Трясется, а идет.

Жрать надо.

IV
АЮ

Говорит Уртымбай:

— Хочу медведя-Аю убить. Белолобые много жгучей воды за шкуру дадут.

Хороший охотник был — любил хвастать.

Пошел.

Ладно.

Аю вылез из берлоги на Уртымбая идет.

Пустил стрелу Уртымбай.

Мимо.

Пустил другую, в плечо угодила.

Не успел ножа выхватить, медведь навалился. Обнял. Давит.

Думает Уртымбай:

— Пропал. Не попью кумыса больше.

А медведь-Аю — клыки в пене, трясется весь, кровь из раны по шерсти брусникой катится.

Озлобился.

Только хотел давнуть Уртымбая, да невзначай в глаза ему взглянул.

Увидал Аю-медведь в глазах Уртымбая — маленькая морда, желтые клыки и пена на них.

И Уртымбай увидал свое лицо — серое как солончак и бороденка как горсточка сухой травы.

Как заноза в глаза Аю вошла.

Заревел!

Опустил Уртымбая.

И ушел Аю в тайгу.

Уртымбай, чимбары поддерживая, в аул прибежал.

Хвастается:

— Вот я какой, чуть медведя своими руками не задавил…

V
КАК ЛЮБИЛ КАРА-СУ

Поток горный Кара-Су любил кувшинку-Йгу, что в заводях расла. Большая, желтая, как глаза зеленого бога-Кургамыша.

Ладно.

Целует, ласково подергивает плечами мягкими Кара-Су. Йгу как амулет подпрыгивает, смеется:

— Тль… тль…

Кара-Су говорит:

— Почему ты меня одного не любишь? Всем смеешься. Небу, берегу. Всем. Я так не хочу.

Смеется Йгу, говорит:

— Не могу… тль… тль…

А ветер-Чойном завидовал Кара-Су. Все впитывает в себя — небо, берег, тополя. А он, ветер — запахи одни от трав.

Говорит он Кара-Су:

— Бери себе кувшинку на дно, я помогу.

Стал ветер-Чойном расшатывать Кара-Су.

Волны сначала улыбались. Сердито скривили рожи. А потом сжались и схватили кувшинку за горло.

Не поддается Йгу.

— Тль… тль… — бежит она по волнам, смеется.

Волны — черные.

А та желтые перышки отряхивает, смеется:

— Тль… тль…

Ветер призвал Осеннего Брата.

Осенний Брат пришел — прелью запахло. Понюхал носом (как гриб нос широкий). Сказал:

— Могу.

Наскочил на тополь.

— Хрук!..

Сучок сломался, в поток упал.

Сел на сучок Осенний Брат, наплыл на кувшинку и перерезал ей горло.

Улетели братья.

Закрутился Кара-Су от радости. На дно поволок Йгу.

— Ага! — говорит.

Ладно.

Только завяла кувшинка-Йгу. Без солнца. Без ласкового бога-Кургамыша.

Заболел с тоски Кара-Су. Бросаться на берег стал, а потом со

стыда закрылся белым чувлуком, как киргизка, и бредит — летом, тайгой, Йгу.

Пришел Зимний Брат и со свистом (двух зубов не хватает во рту) завыл:

— Сщщуии… щщуии…

VI
КЫЗЫМИЛЬ-ЗОЛОТАЯ РЕКА

Было, видишь, так.

Полюбила девушка-Кызымиль, красивая девушка (как черемуха весной) доброго бога-Вуиса. Розового, сочного, крепкого — как шишка кедровая.

Ладно.

Вышла на елань, к солнцу лицо повернула, волосы распустила. Говорит:

— Вуис! Вуис! Я тебя люблю.

Прилетел Вуис-радостный бог.

Улыбнулся, сказал:

— Ты — хорошая. Я тебя тоже полюбил. Только бог-Кутай — старый, сердитый бог… Нельзя мне тебя любить, рассердится Кутай.

— Люблю Вуиса, — говорит Кызымиль, а у самой глаза как у марала блестят красивые глаза.

Поглядел Вуис, поглядел. Вздохнул:

— Не знаю, что и делать.

Думал много.

Говорит:

— Лучше я в человека обернусь.

Опустил коня на волю. Лук взял, сапоги надел.

Человеком сделался.

Ладно.

Узнал старый бог-Кутай. Говорит:

— Как быть тут?.. Нельзя же богу человеком жить. Так, пожалуй, все боги с неба сбегут.

А Вуис в это время в лесу охотился.

Вот и вошел Кутай в Аю-медведя.

В лес спустился. На Вуиса кинулся.

— А! — сказал Вуис. — Хорошая шкура — сошью Кызымиль шубу. Убью медведя.

Да не мог убить.

Медведь-Аю человека Вуиса убил.

Опять стал духом Вуис.

Говорит Кутай:

— Ступай на небо, Вуис. Нечего тебе делать на земле. Ступай. А Кызымиль заточу в воду — не смущай бога.

Ушел Вуис на небо.

Как узнала Кызымиль о смерти Вуиса, затосковала.

Горевала, горевала. В реку бросилась.

Умерла.

Увидел смерть Кызымили бог-Вуис.

— И-шь… — сказал и слезу уронил.

Пала та слеза — белая слеза радостного бога-Вуис в реку, смешалась со слезами Кызымиль — золотая стала река.

Вот катится в Черных горах Кызымиль-река желтая, ярко-желтая, золотая река.

— Ох… ох… — к скалам жмется, жалуется.

— Ах! — вздыхают скалы (чем поможешь!).

— Ох… ох…

Тихо. Робко жалуется на богов Кызымиль-золотая река.

VII
КАК СОГРЕШИЛ АЯНГУЛ

Много лет спасался на горе Тау старец Аянгул.

До того молился, что борода в землю вошла, а ноги мхом покрылись.

Шепчет чуть слышно:

— Кутай, смилуйся, спаси.

Ладно.

Ехал мимо бог-Вуис, старца увидал:

— Что делаешь здесь? — спрашивает.

Головы не повернул старец.

Отвечает сердито:

— Или не видишь? Молюсь.

Поехал бог-Вуис к старому богу-Кутаю, сказал:

— На горе Тау старец Аянгул молится, борода в землю врасла, ноги мхом покрылись.

Удивился старый бог-Кутай:

— Так долго молится, а я и не знаю.

Прилетел на гору Тау, говорит Аянгулу:

— Я — Кутай. О чем ты меня молишь?

Пал лицом ниц Аянгул:

— Прости меня, многогрешного, помилуй.

И сказал Кутай:

— Говори твои грехи. Может и помилую.

Рассказал свои грехи Аянгул.

Качает головой Кутай:

— Грехи твои, как и грехи прочих людей. Может еще что другое есть? Говори все.

— Нет у меня больше грехов, — отвечает Аянгул.

Удивился Кутай:

— Зачем же молился так долго?

Опять упал ниц Аянгул:

— Еще слово хочу сказать тебе, могучий Кутай.

— Говори.

— Молился я еще, Кутай, за людей, за их грехи, за их беззакония тяжкие.

Покачал головой Кутай:

— Напрасно молился, Аянгул. Мало у людей грехов, да если и делают какие по незнанию, по неразумию своему. Поживи ты с ними, тяжело им жить. И ты согрешишь. А грехи их я все давно простил. Ступай к людям, Аянгул, холодно на горе Тау.

Рассердился Аянгул. Плюнул:

— Сколько лет молился, борода в землю врасла, ноги мхом покрылись, — и все напрасно. Не Кутай ты, а злой дух Ону! Уходи!..

Тогда поднял Кутай Аянгула над землей. Сказал:

— Смотри!

И увидал Аянгул то, что говорил ему Кутай.

Заплакал.

Сказал:

— Велик грех мой — не поверил Кутаю. Прости.

Сказал старый и хитрый бог-Кутай:

— Прощаю. Иди к людям и скажи: Кутай верит вам. Когда-нибудь упадет скорлупа и можно будет увидеть чистый и вкусный плод.

VIII
КОГДА РАСЦВЕТАЕТ СОСНА

Летел над Черными горами дух Ону-злой дух. Конь у него сизый, седло из серого камня, а подпруга из желтой кожи.

Ладно.

Видит дым густой над тайгой стоит. Гарью пахнет.

Старая ведьма Кучича обед себе варит.

Ону говорит:

— Жарко, поди, Кучича? Почто небо коптишь, нет разве тебе зеленой пищи?

Кучича длинным языком нос облизывает. Отвечает:

— Говорят люди про добро. Не знаю я — что за добро такое. Вот поймала праведного человека, изжарю, съем. Может, тогда пойму.

Любопытно Ону — как человека есть будут.

— Может, мне поесть дашь? — спрашивает.

Ладно.

В ту-пору расцветала сосна. Пахучая, добрая, смолой обливаясь, шепчет:

— Ишь, что боги делают. Разве можно людей есть? Не надо.

— Молчи! — затопал ногами Ону, закричал, бородой затрес: — Богам будешь указывать?

Сосна ветками зашелестила:

— Я разве указываю? Боги — они умные, их учить нельзя.

И пахнула цветистым духом.

Вот и варят человека, дров не жалеют.

— Скоро готов будет!

Подскочил от нетерпения на коне Ону:

— Поедим! Люблю я мясо.

— Мясо — хорошая пища, — согласилась Кучича и брюхо погладила.

Зашумела сосна:

— И-ишь… и-ишь…

Дальше шум ее пошел. По вершинам, дальше. По горам, по горам, к самому старому богу-Кутаю.

— И-ишь… и-ишь… боги человека варят… и-ишь…

Услышал старый бог Кутай, спрашивает:

— Что там делается?

Говорит сосна:

— Праздник у меня, а бог-Ону да Кучича на моих ветках человека варят.

— Тоже придумают, — сказал Кутай, бешмет на плечи надернул, полетел к Черным горам.

Говорит Кутай:

— Чего вы?

Бог-Ону ногу в стремя вставил (напугался!). Говорит:

— Это Кучича. Я тут за порядком смотрю. Она это.

Осердился старый бог-Кутай, плеткой на Ону замахнулся:

— Я тебя!

Бог Ону зубы оскалил, отпрыгнул:

— Ты не больно-то!..

— Убирайся! — сказал Кутай и плетью Ону ударил.

В смрадном дыме скрылся Ону.

Схватил Кутай Кучичу за шею, в болото швырнул. Круги пошли. Утонула.

— На! Злая!

Говорит Кутай:

— Надумают, ведь. Добро захотели узнать? Я человека-то сам сотворил и то не могу понять, откуда у его добро-то появилось. Да-а…

Пошел отдыхать Кутай — всем богам бог — на свой трон, на облаке в тени березы с золотыми листьями.

Вот поэтому-то, когда расцветает сосна — из болот зловонные пузыри выходят — Кучича сердится.

Да вихри над тайгой проносятся — черные, злые вихри — дух Ону сердится.

Это когда расцветает сосна, пахучая, добрая, смолой обливаясь.